

Сицилии и Южной Италии⁷. Сложнейшие вопросы доистории Италии, связанные с культурами террамар и Виллановы, также по сути дела обойдены автором. Вне поля зрения А. М. Радмилли остались и вопросы социального развития доисторических обществ. Вряд ли можно удовлетворительно объяснить возникновение культуры кастельер или культуры нураг в Сардинии без анализа социально-экономического развития местных племен позднего бронзового века. Возникновение нураг — укрепленных замков племенных вождей — свидетельствует о разложении родового строя и зарождении царской власти. Аналогичный процесс происходил и в Балканской Греции.

Следует отметить, что структура книги

не совсем удачна: изложение материала по областям Италии не дает возможности проследить какую-либо большую культуру или эпоху доистории страны в целом. Например, сведения о культуре Ремеделло содержатся отрывочно в пяти главах, посвященных Ломбардии и Пьемонту, Венето, Тоскане и Умбрии, Эмплии и Марке.

Все же, несмотря на указанные недостатки, работа А. М. Радмилли ценна тем, что в ней систематизирован и обобщен громадный материал о доримской Италии, накопленный усилиями нескольких поколений ученых. Обилие иллюстраций и подробная библиография в несколько сот названий делает этот труд хорошим пособием для всех исследователей, интересующихся древнейшим периодом истории Италии.

В. П. Яйленко

⁷ W. T a y l o r, *Mycenaean Pottery in Italy and Adjacent areas*, Cambr., 1958, стр. 79, 183.

R. ÉTIENNE, *La vie quotidienne à Pompéi*, P., 1966, 475 стр.

В литературе о Помпеях книга эта займет одно из почетных мест. Она продолжает традицию, нашедшую наиболее полное выражение в книгах Овербека и А. Мау¹: давать не отдельные очерки, посвященные тому или другому явлению в жизни города, а общий обзор этой жизни в целом. Книги обоих упомянутых авторов и до сих пор не потеряли своего значения, но «Помпеи» Овербека смогут скоро отпраздновать свою сотую годовщину; «Помпеи в жизни и искусстве» Мау вышли в 1908 г., а дополнения к ним, сделанные самим автором, — в 1913 г. Достаточно сравнить план Помпей у Мау и у Этьена, чтобы увидеть, как далеко за последние десятилетия продвинулись раскопки: почти до самого конца раскопана улица Изобилия, давшая богатый материал для знакомства с экономической жизнью Помпей; открыты дом Менаандра (богатая коллекция серебряной посуды высокого художественного достоинства), дом Тегета (прекрасная статуя эфеба, роспись с египетскими сюжетами и на одной фреске единственное дошедшее до нас изображение архимедовой «улитки») — колеса, с помощью которого производилась поливка; прекрасная мозаика; дом жреца Аманда с удивительной по красоте

и выразительности стеной живописью; дом Лорея Табуртина с его своеобразным перистилем, ювелира Пинария Церналиса и др.; до конца раскопана вилла Мистерий; открыта система городского водопровода, изучена история городской стены, произведены стратиграфические раскопки. Одного этого далеко не полного перечня достаточно, чтобы показать, как много нового найдет читатель в книге Этьена; она удовлетворит его желанию узнать все «новинки» в истории и жизни Помпей.

Содержание книги Этьена не укладывается в ее заглавие: автор знакомит не только с «повседневной жизнью Помпей»: гибель города, его открытие, его история, муниципальное управление и «выборная лихорадка», торговля и промышленность города, окрестное земледелие; мир состоятельных дельцов и трудового люда, религия в ее разных аспектах (исконные итальянские божества, Капитолийская триада, культ императоров, восточные божества); дома и сады; живопись, ее техника и сюжеты; учение в Помпеях; спорт и отдых (палестра, помпейская «молодежь», термы, театры, амфитеатр, гладиаторские бои и venatio). К этому внушительному списку следует добавить превосходные описания городского плана в целом, улиц, форума и наиболее важных зданий, общественных и частных. Этьен подвел итог всему, что на сегодняшний день известно о Помпеях, и это уже заслуга немалая; свести воедино результаты многочисленных исследований, касающихся самых разнообразных сторон

¹ J. Overbeck, *Pompeii*, Lpz, 1884; A. Mau, *Pompeii im Leben und Kunst*², Lpz, 1908 (Anhang zur 2. Aufl., Lpz, 1913); из более поздних книг упомянем работу: R. C. Carrington, *Pompeii*, Oxf., 1936 (превосходная книга, но слишком краткая).

помпейской жизни, — для этого требовались и обширные и разносторонние знания, и мастерство композиции и литературный талант, а главное, разумеется, — глубокое, основательнейшее знание помпейского материала.

«Новое» начинается в книге сразу, чуть не с первых страниц. Кто, говоря о гибели Помпей, не приводил в качестве достоверного о ней свидетельства писем Плиния Младшего (VI, 16 и 20). Этьен, основываясь на работе Ритмана, специалиста-вулканолога², изложил «механизм извержения», добавив сравнительную таблицу наблюдений обоих Плиний и действительного хода событий. Из нее явствует, что извержение началось между 10 и 11 часами утра, что ни Плиний Старший, ни его племянник, находившиеся в Мизене, не видели ни первой, ни второй его стадии, и «вулканическая пиния» была замечена ими только в 13 часов, когда извержение было в полном разгаре. Помпей были уже погребены под пеплом (стр. 29—37).

История раскопок изложена у Этьена от их начала в XVIII в. и до нынешних дней. Нельзя не восхититься умением, с которым автор изложил на каких-нибудь 40 страницах не только самое главное, но привел и новые данные (отношение к раскопкам французского общества и скептицизм просветителей: «Господа антиквари, вы шарлатаны», — пишет Монтескье; для Дидро археологи «педаанты и маниаки, взирающие на античность сквозь крохотные очки антикомании»), охарактеризовал деятельность отдельных руководителей раскопок, их цели, методы работы, достигнутые результаты. Наибольшее внимание уделено, конечно, периоду, начавшемуся с Фюрелли. Говоря о нем и его преемниках до Майури включительно, Этьен разворачивает хронологическую и топографическую карту раскопок, давая возможность как бы присутствовать при постепенном открытии города. Подробнее всего останавливается он на деятельности А. Майури, руководившего раскопками с 1924 по 1961 гг.: не только на том, что было им раскопано (а раскопаны были здания первостепенной важности для понимания экономической и культурной жизни Помпей), но и на методах и принципах его реставрационной работы (никогда не выдавать реконструкцию за подлинник, но иметь смелость прикрыть новой крышей атрий, спальню или перистиль, ставя целью не только спасти от атмосферных влияний живопись и мозаики, но и дать представление о той жизни, которой когда-то жил этот дом). Особое внимание уделил Этьен стратиграфическим раскоп-

кам, которые Майури — первый — начал вести систематически. Они имеют огромное значение для истории доримских и досамнитских Помпей, позволяя установить первоначальный план города и его древнейшие постройки: в толще городского вала обнаружили остатки стены, выложенной из квадратных, грубо отесанных камней, относящейся к эпохе еще досамнитской; стратиграфическое зондирование на форуме обнаружило лавки древнесамнитской эпохи, окружавшие площадь, где не было еще никаких портиков. Зондаж под домом Хирурга и другими старыми домами заставил отнестись дома из известняка к поздней самнитской эпохе и бросил новый свет на развитие италийского дома: дома с атрием стоят в конце, а не в начале его истории.

К числу важнейших глав у Этьена относится глава о помпейской живописи, где приведены результаты новейших изысканий о ее технике и о помпейских художниках (стр. 319—344).

В XVIII в. одни считали, что стенная живопись в Помпеях — это фрески, которые писали по сырой штукатурке; другие, что это энкаустика. Ученые нового времени или соглашались с одним из этих мнений, или высказывались в пользу температуры, живописи маслом и пр. Чтобы положить конец этому разнобою, нужны были точные данные о технике этой стенной живописи, и по просьбе Майури в 1947 и 1948 гг. был произведен ряд лабораторных исследований состава стенового грунта, по которому писали, и состава красок.

Стену подготавливали тщательнейшим образом, накладывая на нее двойной грунт; сначала толстый слой извести с песком (в 3—5 см), а на него, когда он уже совсем высохнет, более тонкий слой извести с кальцитом (от 0,5 до 0,7 см); и кальцит и известь брали первосортные. Эту совершенно просохшую грунтовку покрывали тончайшим слоем (от 0,05 до 0,1 см) горячего жидкого раствора, составленного из извести, мыла, расплавленного воска и эмульсии мела. Стену, приготовленную таким образом, еще выглаживали металлической лопаточкой или мраморным цилиндром и протирали чистым полотном. Рисовали по сухому полю красками, растворенными в горячей жидкой смеси извести и мыла с добавкой воска. Рисунок выглаживали и протирали так же, как и стену. Работали тончайшими кистями, не торопясь, так как писали по сухой стене; расписывать ее начинали сверху; фон накладывали подручные мастера, художник рисовал фигуры и орнамент. Прочность помпейской живописи объясняется величайшей старательностью при подготовке грунта и разумным выбором материала как для первых его слоев (известь и кальцит обеспечивали крепость грунтовки), так и для той пленки, которой грунт покрывался и на ко-

² A. Rittmann, *L'eruzione vesuviana del 79 r. Studio magmalogico e vulcanologico*, «Pompeiana», 1950, стр. 456—474.

торую ложился рисунок: известь образовывала со временем прочный слой известкового карбоната; жирные кислоты, содержащиеся в мыле, нейтрализовали едкость извести; воск сообщал рисунку блеск и водонепроницаемость; мел способствовал его прочности и облегчал выглаживание и протирку. Дозировка всех ингредиентов производилась с такой тщательностью, которая сделала бы честь и лучшим современным химикам.

Строгой критике подвергают сейчас классификацию Мау, усмотревшего в помпейской живописи четыре стиля: инкрустационный, архитектурный, орнаментальный и последний, соединяющий в себе элементы второго и третьего. Классификация эта стала классической; привлекала ее стройность, но именно она под конец и стала казаться подозрительной. Ряд изображений не удается подвести ни под один из этих стилей: в них есть элементы и одного и другого, они стоят как бы на рубеже их, образуют переходную фазу между ними. Ломаются хронологические рамки, в которые Мау заключил свои четыре стиля. Когда, например, произошел переход от второго к третьему: около начала н. э. или незадолго до смерти Августа? Начался четвертый в конце царствования Тиберия или после землетрясения 62 г.? «Граматику стилей», как чуть пренебрежительно называет Этьен теорию Мау, современные искусствоведы готовы целиком отвергнуть; археологи упрекают Мау в том, что он был склонен руководствоваться эстетическими критериями, а не археологическими данными: анализ стен в доме Веттнев показывает, что после 62 г. в доме как снаружи, так и внутри происходил капитальный ремонт и вся стенная живопись относится именно к этому времени: двух разных периодов в ее создании — до 62 г. и после него, как думал Мау, вовсе не было. Не осмеливаясь вступать в спор со специалистами относительно «грамматики стилей», не могу все-таки не сказать, что «грамматические правила» Мау четко формулируют особенности разных пусть не стилей, а фаз помпейской живописи, и если все ее пестрое разнообразие не укладывается в эту «грамматику», то это естественно и неизбежно: гетевское «золотое дерево жизни» всегда перерастает «серую теорию», которая тем не менее является путеводной нитью в хаотическом множестве отдельных явлений. И сам Этьен неоднократно пользуется терминологией осужденной «грамматики».

Крупнейшим шагом вперед в изучении помпейской живописи была работа итальянского искусствоведа Раггьянти, которому удалось — первому — различить разных мастеров, работавших в Помпеях³. Он называет их по тем картинам,

в которых стиль художника отпечатлелся особенно ярко: «автор позтессы» (портрет молодой девушки с таблетками и стилем, который часто называли портретом Сафо) с палитрой нежной, без резких красок, со смягченными тенями, несколько манерный в своей элегантности; «мастер ракурса», которому принадлежит «Казнь Дирки» и, по всей вероятности, «Падение Икара» в доме Аманды; «мастер тени» («Смерть Пенфея»). Был художник, мастерски изображавший движение («Младенец Геракл» и «Состязание Эроса с Паном»). Самым даровитым был художник, расписывавший дом Веттнев: он обладал неистощимым воображением, внимательным и зорким глазом и опытной искусной рукой. В Помпеях существовало несколько художественных мастерских; во главе каждой стоял художник-мастер, под чьим руководством работали ученики и хорошо обученные подручные мастера. Особо отмечена внимательность и любовь, с которой изображаются сцены из повседневной жизни.

Новое дает и глава об обучении и культуре (стр. 377—402). Сказав, что Помпеи были городом двуязычным и что латинский язык звучал в нем наряду с греческим, Этьен напомнил тот полузабытый факт, что вывод Сулловой колонны отнюдь не покончил с оскским диалектом: на нем долго говорили и после 80 г. до н. э. и не только в деревнях и на рынке. Официальные афиши необходимо было писать и по-латыни и по-оскски, чтобы они были понятны окрестным крестьянам; в доме Фарна есть поздние оскские граффити; посвятельная надпись на алтаре Флоры от римского времени сделана на оскском диалекте.

О начальной школе учителя Семы, обучавшего своих питомцев под портиком форума, и о приемах его обучения знали давно, но о «технической школе», где будущие мозаичисты и архитекторы обучались рисованию и знакомились с элементами своего будущего ремесла, читатель узнает впервые, так же как и о наличии в Помпеях «среднего образования», т. е. о школах грамматиков. Такой школой, рассчитанной не больше, чем на 15 человек, руководил прокуратор Помпея Сабина, Потит; в доме Альбуция Цельза (Дом Серебряной Свадьбы) была устроена грамматическая школа, рассчитанная, правда, только на детей хозяина. Что касается учителей, Сатурнина, Верны и Валентина, то Делла Корте⁴, основываясь на том, что их избирательные рекомендации написаны около Форума и на стене базилики, считает, что они обучали праву, были *iuris doctores*. Основание не очень убедительное и Этьен причислил всех троих к грамматикам.

³ C. L. Ragghianti, *Pittori di Pompei*. Milano, 1963.

⁴ M. Della Corte, *Casa et abitante di Pompei*², Roma, 1954.

Но если Сатурний был действительно, как настаивает Делла Корте, хозяином дома Фавна, то богач и аристократ, в роли учителя грамматики — фигура настолько необычайная, что подтвердить этот факт следовало бы доказательствами вескими. Их нет вовсе. А надписи «учителей»-юристов настораживают скептического читателя: и аристократ (?) Сатурний и отпущенники Верна и Валентин просят за своих кандидатов на магистратские должности (CIL, IV, 275, 694, 698) *sum discentes*. Народная латынь в Помпеях обходилась без косвенных падежей, но учитель-грамматик обучал литературному языку; ученый юрист говорил правильно; ужели эти люди не знали, что «*sum*» ставится с творительным падежом?

Очень интересны страницы, посвященные театру. Театр в Помпеях был очень любим: об этом свидетельствует и наличие двух театров (для такого маленького города это много); и многочисленные изображения театральных масок и сцен. Сюжеты их позволили Этьену определить, кого из драматургов в Помпеях особенно любили: это были Сенека и Менаандр. Составил Этьен и список поэтов, которых лучше всего знали в Помпеях: на первом месте стоят Вергилий и Овидий, на последнем Гораций.

Давая общую картину Помпей, Этьен не мог, конечно, ограничиться только тем, что вошло в научный обиход за последние 40—50 лет. Он вынужден повторять старое, но у него есть редкий дар это старое обновлять. Нет книги о Помпеях, где не говорилось бы о здании Евмахии, где не никто до Этьена не разгадал тех мыслей и чувств, которые волновали людей, украсивших город этой «шерстяной биржей» (стр. 182—183); только у Этьена помпейские улицы ожили во всей своей простоте и сутолоке (стр. 345—361); он позначил нас не только с планом дома Менаандра и кладом, найденным в его подвале, но и с его хозяином (стр. 285—293). Характеристика внутреннего помпейца (стр. 344) станет, несомненно, классической. Этьен не позволяет себе фантазировать; он всегда опирается на источники, эпиграфические, изобразительные, археологические, но под этим строгим пером Помпеи оживают во всем многообразии своей богатой повседневной жизни. И это дыхание живой жизни, овевающее его книгу, сообщает ей большое очарование.

Пересказывая старое на свой, новый лад (великолепный образец такого пересказа дает глава о «выборной лихорадке», стр. 116—146), Этьен всегда стремится ограничить эти пересказы максимально необходимым: яркий пример тому глава о домах (стр. 277—318). Дав краткое и очень вразумительное описание элементов помпейского особняка и пояснив его

планом дома Веттнев, он останавливается только на доме Менаандра и вилле Мистерий, двух зданиях, которым посвящены великолепные, но малодоступные монографии Майури⁵, и которых нет и быть не могло ни у Мау, ни у Овербека. Читатель, который хотел бы подробнее ознакомиться с помпейским домом, молчаливо отсылается к этим старым книгам, их описаниям, пусть несколько громоздким, — к планам, приложенным к описаниям. И о мебели помпейцев рассказано суммарно: зачем повторять то, о чем хорошо и давно сказано (кстати, лучше Овербека об утвари помпейского дома еще никто не написал). Об улице Мертвых у Этьена (стр. 362—375) хорошо читать, держа под рукой план Мау. Но там, где старые сведения нуждаются в поправках, хотя бы маленьких, Этьен во всеоружии новых исследований. Книга Моритца⁶, хорошего филолога и знатока мукомольного дела, помогла ему исправить старые описания помпейской мельницы (нижний жернов имеет форму не конуса, а колокола, большинство мельниц обходится без шайбы в самом узком месте верхнего жернова); статью Грималья и Моно⁷ он использует, чтобы как следует объяснить, что такое гарум и почему итальянская кухня им так широко пользуется.

Существенной частью помпейского дома являются перистиль и садик. Этьен вслед за Грималем⁸ считает, что «коренное изменение старинного дома состоит не в добавлении перистилья, а в том, что он открылся на природу и включил в себя сад» (стр. 305).

Насколько можно судить по планам помпейских домов, они были неизменно «открыты на природу»; новшество было в том, что старый сад урезали, отняв часть его площади под вторую половину дома. Знакомство с греческой культурой нанесло сокрушительный удар старинному миросозерцанию, которое требовало от человека отдачи себя государству в первую очередь, а затем забот о делах своей семьи и своего хозяйства; законным признано теперь право на *otium*, на часы, проведенные над свитками греческих философов и поэтов, на тихую беседу в дружеском кругу. Старый дом, комнаты которого группировались вокруг атрия, вполне отвечал требованиям деловой и общественной жизни, но совершенно не подходил к этой жизни для себя: он весь на юру, он открыт внешнему миру, ко-

⁵ A. Maiuri, *La casa del Menandro*, Roma, 1933; он же, *La villa dei Misteri*², Roma, 1945.

⁶ L. Moritz, *Grain Mills and Flour in Classical Antiquity*, Oxf., 1958.

⁷ P. Grimal et Th. Monod, *Sur véritable nature de garum*, REA, 54, 1952, стр. 27—38.

⁸ P. Grimal, *Les jardins romains*, P., 1943.

торый ежеминутно может вторгнуться. Хозяин хочет очертить себя магическим кругом, через который никто не ворвется в святая святых его личной жизни: он пристраивает к старому дому новую — доступную только ему и близким — половину, и знакомство со строительством эллинистической Греции подсказывает ему архитектурное оформление этой половины с помощью крытой колоннады, которая выходила на старый садик.

Вряд ли прав Этьен, считая вслед за Грималем парки эллинистических царей предками скромных помпейских садов. Италиец любил природу, упорядоченную и укрупненную человеческим умом и волей, хотел чувствовать себя ее хозяином, а не игрушкой. Просторы «без конца и без края» приводили его в смещение; в маленьком замкнутом садике он чувствовал себя хорошо и уютно. Не думаю, чтобы даже Кв. Помпей, хозяин дома Менаандра, сидя в беседе своего садика, мечтал об эллинистических парках.

Книге Этьена ценна не только тем, что он рассказал о новом в Помпеях и взорвался живой водой умерший город. Этьен — самостоятельный исследователь, ученый со своими взглядами, по-своему объясняющий многие явления прошлого. Особенно интересны его главы «Деловой мир» и «Мир труда» (стр. 147—234).

Этьен подробно останавливается на всех сторонах хозяйственной жизни Помпей: на сельском хозяйстве, промышленной деятельности и торговле. Сельское хозяйство охарактеризовано хорошо и верно: нет специализированных хозяйств, на существовании которых под Помпеями так настаивал Тенни Франк⁹, нет крупных имений: максимальная величина — югеров сто (около 25 га). Но вряд ли можно говорить о «концентрации собственности» (стр. 201) на основании CIL, IV, 5328 (вино «из южного имения Ситтиев») и 5588 (вино «от Клодия Клемента из верхнего имения»). Если даже Ситтий и Клодий владели каждый «верхним» и «нижним» виноградником, то величина обоих неизвестна, и поэтому говорить о «концентрации собственности» вряд ли стоит, а кроме того, не исключена возможность, что оба имения названы по своему положению к оросительному каналу, дороге или какому-либо памятнику. Точно так же присутствие в погребке Веттнев винных амфор с пометками: fundus Arrianus и fundus Asinarius вовсе не значит, что Веттии купили именно землю Арриев и Азиниев, а не вино из их имений.

Этьен хорошо показал размах заморской торговли Помпей. Вино торговали главным образом с Галлией; обломки амфор с клеймами братьев Лассиев (начало I в. до н. э.) и М. Порция, бывшего дуум-

виром и квинквенналом в Помпеях вскоре после вывода Сулловой колонии, встречаются на всем пути от Нарбонны до Бурдигалы (совр. Бордо), а также и по другим местам Прованса. Под Алезней нашли ручку амфоры с именем Л. Евмахия; по всей вероятности, этот виноторговец был отцом Евмахии, будущей строительницы «шерстяной биржи». Шла на экспорт и помпейская черепица; она встречается в Аквилее, Истрии и Далматии. О торговых связях с Египтом свидетельствуют многочисленные египетские сюжеты в живописи.

В 1938 г. в одном из домов по ул. Изобилия (I район, квартал 8, дом 5), принадлежавшем, по-видимому, моряку (стены его жилья покрыты изображениями судов и частей их, сделанными рукой человека, понимавшего толк в морском деле), — нашли статуэтку слоновой кости явно индийского происхождения. Как она оказалась в Помпеях? Может быть, через какой-либо сирийский порт, может быть, из Александрии, связь которой с Помпеями засвидетельствована.

Этьен собрал интересные сведения о «помпейской диаспоре». Помпейца, оказывается, можно было встретить во многих местах: в Истрии, на Делосе, в Александрии, в Африке. В Нумидии подвизался один из самых интересных авантюристов древности, П. Ситтий, приверженец Цезаря, очистивший Африку от сторонников Помпея, основатель нескольких римских колоний в Нумидии. Но Помпеи сами обладали притягательной силой: оживленный торговый город, расположенный в прекрасной местности, привлекал к себе и жителей соседних городов, и чужестранцев. Барка, явный карфагенинин, поселился в Помпеях, получил гражданство и был выдвинут кандидатом в дуумвиры (CIL, IV, 26). Обилие галльских имен свидетельствует о присутствии кельтов и в рабочей среде (в фуллонике на улице Изобилия есть рабочие с галльскими именами) и среди купеческого населения. Корнелий Тебет, один из богатейших людей в Помпеях, приехал, может быть, из Египта. Вокруг Стабиевых терм разместилась еврейская колония. Вслед за Делла Корте Этьен повторяет старое предположение Росси, что Фабий Евпор, крупный виноторговец был главным раввином синагоги евреев-отпущенников (см. CIL, IV, 147 и резкие возражения в примечаниях Моммзена).

Большого внимания заслуживают наблюдения Этьена над уровнем материального благосостояния помпейцев и над банковской деятельностью Цецилия Юкунда. Основанием для первых послужили денежные суммы, найденные и в домах и на трупах. Вот монетные клады, обнаруженные в домах, более или менее богатых: содержание 26 колебалось между 1000 и 10 000 сестерций, причем только в шести случаях сумма превышала

⁹ T. Frank, An economic history of Rome², L., стр. 265.

4000; в 15 случаях она колебалась между 1000 и 3000 и лишь в одном равнялась 9448 сестерций. Этьен справедливо определяет эту сумму как нормальную денежную наличность состоятельных помпейцев, которую держали дома, или в денежном сундуке, или в каком-либо тайничке. Крупных богачей, как видим, в Помпеях не было. О вовсе скромном жизненном уровне говорят «клады», найденные в кошельках людей, которые, спасаясь бегством, уносили с собой все свое движимое состояние: деньги, семейную драгоценность, одну-две серебряные вещицы. Только в шести случаях найденная сумма превышала 500 сестерций, в остальных не доходила и до 200 (всех находок было 60).

Проанализировав денежные операции Цецилия Юкунда, Этьен пришел к выводу, что они размера скромного: самая крупная сумма в его табличках — 38 000 сестерций; большинство операций касается продаж и имеет дело с суммами не выше 10 000: «никакого размаха, ни одной продажи крупной земельной собственности, ни одной сделки, которая касалась бы драгоценностей сказочной стоимости... Цецилий Юкунд получил незаслуженную известность в силу того, что он единственный» (стр. 187).

Перейдя к «миру труда», Этьен перечисляет разнообразных его представителей; не забыл даже скромный сапожник Ноний Кампан, притулившийся в угловой каморке дома у своего бывшего центуриона Цезия Бланда. (Вряд ли только *vindemitores* были артелью сборщиков винограда: артель, величина, изменяющаяся по составу и возникающая на время, а потому имеющая мало веса. В предвыборных кампаниях выступала прочная группа мелких виноградарей, аналогичных владельцам небольших садов — *romarii*; эти садоводы неоднократно упомянуты в избирательных надписях.) Несколько живых страниц посвящено постоянным дворам и харчевням, а затем Этьен переходит к «лестнице цен на некоторые продукты» и приходит к заключению, что одному человеку на прожитие требовалось в день немногим больше 8 ассов (стр. 229—233).

Что жизнь в Помпеях была относительно дешева, это весьма вероятно: фунт (327 г) оливкового масла стоил 4 асса (CIL, IV, 4000); за поллитра дешевого вина харчевница требовала асс, а за вино получше — два (IV, 1679). Если автор IV, 8566 не забавлялся на досуге, вычарапывая на стене вымышленные меню (такая возможность всегда есть), то порция свинины стоила асс, а кусок сыра — полтора. Если съесть эти порции с добавкой хлеба на два асса и вина на полтора — дневной рацион бедняка, то он обходился в 6 ассов. Возможно, что так и было, но у нас нет данных, которые превратили бы это «возможно» в «песомненно».

Помпейские надписи, называя продукты и цены их, не ставят количества: заплатил обитатель второй инсулы VIII района один асс за фунт соли, или за какую-то ее меру? Что кочан капусты (почему Этьен переводит *coliclo* (= *cauliculum*) «маленькая чашка для питья»?) стоил один асс, это допустимо, но вряд ли в такую же цену обходилась штука свеклы. За какое количество ее заплачен 1 асс, неизвестно (IV, 4888). Надпись, на которой Этьен базирует свои расчеты (IV, 5380), содержит список расходов, сделанных кем-то в течение 8 дней (а не 9, как считает Этьен), и во многом неясна. Не будем придирается к мелким неточностям (*triticum* не «эммер», а пшеница, *panis cibarius* не «большой хлеб», а хлеб из муки грубого помола с отрубями), но *montana*, *femininum*, *hxeres* непонятны. Почему появился *domator* («укротитель»), которого ублажают вином на целый денарий и рыбой на два асса? Эта статья расхода, во всяком случае, экстраординарна, и ее нельзя принимать в расчет при вычислении обычных расходов. Не означает ли слово *servato*, стоящее в начале второй колонки, что перечисленные тремя строками ниже продукты следует считать сбереженными? «Ритм покупок» вообще непонятен: почему хлеба покупают то на 8 ассов, то на 2, а масла то на 3, то на 7, то на 5; почему дважды появляется *panis cibarius*, причем явно не для раба, хлеб для которого упомянут рядом с этим *panis cibarius*? Что раб у автора надписи был, это явно, но нет основания думать, что семья состояла из трех человек: что бы ни обозначал предмет, названный *femininum*, он мог предназначаться вовсе не жене. В надписи слишком много неизвестных величин, чтобы на ее основании делать категорический вывод Этьена.

3 сестерция было казенной ценой модия зерна в Риме; рыночные цены были значительно выше: Н. Ясный считает для времени Плиния 7 сестерций и даже выше¹⁰. Хлебных цен на помпейском рынке мы вовсе не знаем. Есть ли основание говорить, что 1/2 кг хлеба стоили немного меньше асса? Надпись 4227, на которую Этьен ссылается, как на подтверждение своего вывода («трудно читается», по замечанию издателей, знатоков помпейской эпиграфики), дает невероятную цену хлеба: сестерций (не асс!) за фунт. Трудно на таком шатком материале строить твердые выводы.

У Этьена есть любимая мысль, к которой он неоднократно возвращается: в Помпеях не произошло никакой смены одного класса другим: землевладельческая аристократия продолжает оставаться на вер-

¹⁰ N. J a s n y, *Wheat Prices and Milling Costs in Classical Rome* «Wheat Studies of the Food Research Institute»²⁶, 1944, № 4.

хах общественной и деловой жизни, но в последний перипод жизни города начинает вкладывать свои деньги в торговые и промышленные предприятия. Это естественно: после землетрясения 62 г. требовался спешный ремонт жилья, нужны были деньги, и представители старинных землевладельческих родов соглашались временно пустить в свои дома мастерские, лавки и даже превратить их в промышленные заведения, «хотя бы эстетике и пришлось пострадать на то время, пока туфовые колонны элегантного портика покрывались копотью от котлов новой фуллоники» (стр. 22). Так ли было на деле?

Дом, отданный под промышленное заведение (фуллоннику, красильню, прачечную) в целях получения денег на ремонт помещений, пострадавших от землетрясения, потребовал бы для приведения его в прежний «барский вид», расходов, пожалуй, не меньших, чем на восстановление его после катастрофы 62 г. Лечение было так же тяжело, как и болезнь. Фуллоника Стефана ничего, кроме колонн, не оставила от старого перистилия, и непохоже, чтобы он устраивался только на время. Дом Верания Гипсея, дуумвира 58 г. н. э., был совершенно переоборудован под фуллоннику; новые хозяева, изображавшие на пилястре бывшего перистилия свою деятельность во всех ее стадиях, чувствовали себя, видимо, здесь не временными, а постоянными хозяевами. Легко ли было превратить красильню Убония с ее восемью печами и котлами в прежний прелестный перистиль с садиком и фонтаном? Согласился ли бы пекарь, занявший старый дом с тосканским атрием (VIII, 3, 3), складывать хлебную печь, ставить мельницы, устраивать хлев с водопоем для ослов на какой-то относительно короткий срок? Старые хозяева этих домов продавали их людям, которые коренным образом переделывали их в своих промышленных целях. Нельзя преуменьшать роли растущего и благоденствующего класса торговцев и промышленников, чаще всего отпущенников. В целом ряде домов видим мы и мастерские-лавки и небольшие промышленные заведения, совсем не связанные с ядром дома: здесь живут и работают на себя люди, отношение которых к домовладельцу ограничивается уплатой ему денег за помещение.

Человек, вступавший в сферу промышленной деятельности, натякался, конечно, на конкурентов, в первую очередь на собственных отпущенников.

Они не только имеются «во всех отраслях индустрии» (стр. 205): они теснят и вытесняют своего патрона. Мастерской

Умбриция Скавра, изготовлявшей гарум, противостояли oficinas его отпущенников, Умбриции Фортунаты и Умбриция Абасканта (CIL, IV, 5700; 5661; 5665; там же, 5671; 5689). Затем шли oficinas Корнелия Гермерота, Агафопода и еще двух явных отпущенников, имена которых разобрать трудно (IV, 5617; 5651; 5690—5693). Легко ли было одному Умбрицию выдерживать натиск по крайней мере шестерых отпущенников-конкурентов? Отпущенник богатеет и крепнет за счет старых «господ жизни» («давным давно прошла пора, как были Вибии богаты» CIL, IV, 1939), это несомненно. Умбриция Скавра отпущенники зажали в клещи; вилла Мистерий после 62 г. оказалась в распоряжении грека Зосима, отпущенника старинной помпейской семьи Истаидиев. Он занял мыслью о том, как практически использовать огромное помещение: большую столовую к северу от перистилия превращает в виноградную давилню, ставит там два прессы, рядом устраивает винный погреб. Определить в подробностях хозяйственный план нового владельца невозможно, так как катастрофа развалилась, когда далеко не были закончены все переделки. Ясно одно: закладывая одни ходы, проламывая стены для других, Зосим отнюдь не беспокоился о стеновой росписи и ее сохранности. Корнелий Тегет скупил четыре дома; из них по крайней мере один принадлежал человеку высокого культурного уровня с хорошим вкусом; он украсил садик прелестной часовней, которую Тегет закрыл грубым столбом водонапорной колонки. Можно ли пред лицом всех этих фактов настаивать на том, что старая аристократия непоколебимо удерживала свои экономические позиции? И напрасно Этьен считает, что нет «независимого класса отпущенников» (стр. 205). Узы, соединявшие отпущенника с патроном, очень быстро порывались: римские императоры прекрасно понимали, какой опорой являются для них эти «безродные баловни счастья», и постарались рядом указов упрочить их независимость¹¹.

Можно кое в чем не соглашаться с Этьеном, можно находить у него промахи, но их немного и достоинства этой книги так велики, что на промахах не хочется останавливаться. Книгу закрываем с благодарностью за все новое, что узнал о Помпеях, и с восхищением перед мастерством, с которым автор воскресил этот город.

М. Е. Сергеев

¹¹ A. Duff, *Fredmen in the Early Empire*, Oxf., 1928.